

Древние мифы о Хуан-ди и гипотеза о космических пришельцах

И. ЛИСЕВИЧ

Кандидат филологических наук

В ПОСЛЕДНЕЕ время много пишут и говорят о возможных контактах со внеземными цивилизациями. Киноэкран сделал эту тему предметом обсуждения миллионов. Вместе с популярностью гипотезы растет и число ее противников. Однако во всех этих спорах совершенно не присутствует материал одной из древнейших письменных традиций мира — китайской, хотя, казалось бы, именно здесь можно ожидать очень интересных находок.

Причина такого пренебрежения проста: источники, наиболее перспективные с точки зрения космической гипотезы, в научный обиход практически не введены. Либо от них остались только фрагменты, рассеянные по средневековым китайским энциклопедиям (я имею в виду родословные списки «Шибэнь» и историческое сочинение «Диван шицзи»), либо эти книги пылятся на полках, не привлекая внимания исследователей (например, огромный даосский канон «Даоцзан»). В какой-то степени тут сказались влияние официальной традиции старого Китая, которая старалась «не говорить о необычном», питала к «Даоцзану» недоверие. Но мы, если хотим разыскать подтверждение гипотезе, которая уже сама по себе путает все наши привычные представления, должны углубиться именно в область необычного.

Обратимся к самым истокам китайской истории, III тысячелетия до н. э., так называемому легендарному периоду. Если верить древним китайским памятникам, в эту эпоху в бассейне реки Хуанхэ действовали «сыновья Неба», которые и приобщили совершенно диких еще аборигенов к цивилизации. Мы знаем, что рождение героев в мифах и эпосе часто предваряется различными чудесными знаменьями, однако появлению «сынов Неба» на земле с завидным единообразием предшествова-

ли одни и те же небесные явления. Например, перед рождением первого из них, Хуан-ди, «сияние великой молнии опоясало звезду Цзи в созвездии Ковша» (то есть Большой Медведицы). Перед тем как появиться его преемнику Шаохао, «звезда, словно радуга, пролетела вниз» (другая версия: «огромная звезда, словно ковш, опустилась на Цветущий остров»). Перед появлением следующего — Чжуаня Сюя — «ослепительно сияющая звезда пересекла лунный [диск], словно радуга». Так сообщают сохранившиеся фрагменты древней книги «Записи о поколениях владык и царей».

Необычен был внешний облик первого «сына Неба», Хуан-ди, и некоторых его спутников. По сообщениям древних памятников, у Хуан-ди было «четыре лица» (иногда говорится: «четыре глаза»); по «четыре глаза» было также у Цан Се и у Чи Ю. Это обстоятельство чрезвычайно смущало уже современников Конфуция. Желая рассеять их сомнения в достоверности традиции, древний философ пытался объяснить все нуждами государственного правления, необходимостью для небесного посланца ничего не упускать из виду. Но ведь допустимы и другие толкования. Представьте себе, например, такую сцену: некто стоит в скафандре, на голове у него шлем с прозрачными иллюминаторами. Осмелевший дикарь подходит ближе, он заглядывает в иллюминатор и замечает там лицо, подкрадывается с другой стороны и снова обнаруживает обращенное к нему лицо, смотрит в следующее окошечко — и там то же самое... Люди же, стоящие в отдалении, видят лишь блестящие прозрачные иллюминаторы, которые представляются им огромными глазами. Кстати, то, что у преемников Хуан-ди не было ни «четырех лиц», ни «четырех глаз», очень хорошо согласуется с космической гипотезой. Действительно, Хуан-ди

был первопроходцем и должен был соблюдать известную осторожность. Но те, кто последовал за ним, знали, что на Земле можно обойтись без скафандров.

Коль скоро мы уже отождествили Хуан-ди и его спутников с возможными пришельцами из космоса, логично было бы задаться вопросом: а где, собственно, мог приземлиться корабль? Судя по некоторым косвенным указаниям, на северо-западе, в пустыне Гоби. Такую мысль подсказывают сведения об «озере Грома» в древнем «Каноне гор и морей», «Критических рассуждениях» Ван Чуна и других книгах. Гром в них рассматривается отнюдь не как атмосферное явление, «местонахождение» грома и его божества точно дислоцировано на пустынном озере, отделенном от населенных областей Китая «сыпучими песками». Для посадочной площадки это действительно было бы идеальным местом, особенно если пришельцы по каким-то соображениям предпочитали бы приводняться.

Интересно, что сам гром древние китайцы изображали в виде огромного барабана. Сравнение естественное, но вообще-то не обязательное — например, наши предки представляли себе гром в образе колесницы, на которой разъезжает по небу Илья-пророк. И все же ассоциация древних китайцев станет более понятной, если мы вспомним, какие у них были барабаны. Очень высокие (точнее сказать, длинные) и узкие, с небольшими срезами на концах, где и натягивалась кожа, своей сигарообразной формой они более всего напоминали ракету...

Ван Чун (I век) оставил нам описание древней картины, дававшей зримое изображение грома; она глубоко возмутила его своей нелепостью и неправдоподобием. «Изображенный гром по виду своему [есть нечто] громаздящееся одно на другое, напоминающее по форме переходящие друг в друга

барабаны. Как можно звук и эфир изображать в виде соединенных между собой барабанов?!» — восклицал Ван Чун. Что ж, изображать подобным образом звук или эфир, конечно, странно. Зато для обозначения некоторых вполне реальных вещей такой образ вполне подошел бы...

Ставило Ван Чуна в тупик и изображение самого владыки грома, который «головою не висел в небесах, ногами не опирался на землю», но при этом не имел крыльев. Анализируя каноны иконографии своего времени и эту картину, древний мыслитель приходит к выводу об их явном противоречии друг другу. Либо владыка грома не мог летать, либо его неправильно изображают — так вкратце можно суммировать его мысль. Но не могли же древние иконописцы просто так грубо нарушить канон. Какое-то основание для этого было.

Однако прежде чем перейти к новым текстам, следует сделать некоторое отступление.

Предположим, что где-то в необъятных просторах пустыни Гоби действительно приземлялись межпланетные корабли неизвестной нам цивилизации. Предположим, что инопланетяне действительно посещали долину реки Хуанхэ. Могли ли ее дикие обитатели адекватно воспринять проявления несравненно более высокой культуры? Что виделось им при встречах с удивительными и совершенно недоступными примитивному разуму механизмами и приспособлениями пришельцев?

В наши дни дикий кочевник, впервые увидевший в пустыне автомобиль, называет его «железным верблюдом». Очевидно, что и дикие предки китайцев в этом отношении мало чем должны были отличаться от людей XX века. Все, что двигалось, но не было похоже на людей, скорее всего должно было ассоциироваться в их сознании с миром животных — правда, куда более грозным и страшным, чем он видится современному человеку. Кстати, «животное» по-китайски — «дунъю», что буквально значит «движущийся предмет».

Что же происходило во времена Хуан-ди в окрестностях удивительного «озера Грома»? Оказывается, даже в неблагоприятную погоду в этих гиблых местах день и ночь не прекращалась оживленная деятельность. Вот что говорит, например, «Описание первоначальных деяний Хуан-ди», включенное в даосский канон («Даоцзан»): песок такой, что «поставишь ногу — [и она] тонет, глубок — трудно измерить; подует буря — и песок словно туман. [Но] в тумане [этом] — множество чудесных дра-

конов, рыб, черепах — и все они могут летать. Есть там каменная корзина, прочная, но чрезвычайно легкая, по ветру свободно плывет над песками».

Обратите внимание на любопытную деталь: хотя древний человек и отождествлял с животными необычные существа, сновавшие в окрестностях «озера Грома», ни одно из них не представлялось ему чем-то мягким, теплым, созданным из живой плоти. О двигавшейся как бы на воздушной подушке каменной корзине нечего и говорить. Но и все остальные по китайской классификации входят в разряд «панцирных и чешуйчатых», иными словами, их главным отличительным признаком для древнего человека была твердая, непроницаемая оболочка...

Летающая каменная (то есть сделанная из какого-то твердого неметаллического материала) корзина, по-видимому, могла подниматься не очень высоко. Но у пришельцев было и другое летательное приспособление. Древние обитатели долины Хуанхэ, естественно, именovali его «драконом». Мы великодушно простим им эту вольность, поскольку и сами очень любили называть свои самолеты «стальными птицами».

Однако те же древние совершенно определенно отмечали исключительность так называемого «отвечающего» дракона Хуан-ди, его необычность и непохожесть на всех других, в изобилии населявших китайский фольклор. Действительно, древний словарь «Гуанъя» делит всех их на четыре вида, комментатор «Литературного сборника» говорит о девяти; они могли быть синие, красные, белые и черные, с рогами и без рогов, но лишь тот единственный, на котором летал Хуан-ди, имел крылья и отливал металлом. А самое удивительное — для него были безразличны погодные условия. Именно из-за неблагоприятных атмосферных условий Хуан-ди однажды пришлось отметить очень важный полет, хотя, как сказано в источнике, все было готово и дракон уже «набрал воду». То, что он испугался дождя и ветра, выглядит очень забавно, поскольку в китайской мифологии дракон — сам повелитель дождя. Но если у этого дракона был реальный прототип, происшедшая задержка не вызовет недоумений.

В ряде древних источников — «Критических рассуждениях» Ван Чуна (I век), «Исторических записках» Сыма Цяня (II век до н. э.) и других — достаточно реалистично описывается сцена отбытия Хуан-ди и его спутников на этом летательном аппарате после того, как земная миссия была ими за-

вершена: «Хуан-ди, добыв медь на горе Шоушань, отлил треножник у подножия горы Цзиншань. Когда треножник был готов, сверху за Хуан-ди спустился дракон со свисавшими вниз усами. Хуан-ди взмог на дракона, все его помощники и семья последовали за ним. Взошедших было более семидесяти человек. Остальные подданные не могли взойти и все скопом ухватились за усы. Усы оборвались, и они попадали [на землю]». Так отбыл обратно многомудрый пришелец со своими помощниками, оставив подданных в полном отчаянии — они долго оплакивали его и, чтобы как-то отдать дань уважения ему и своим обычаям, похоронили в кургане вещи Хуан-ди.

Кроме базы в пустыне Гоби в районе «озера Грома», кроме в совершенстве оборудованного недоступного «дворца» в горах Куэнь-Луна, местом деятельности пришельцев древние мифы называют также и юг нынешнего Китая. Там действовала группа во главе с Чи Ю, которого источники именуют, с одной стороны, подчиненным Хуан-ди, с другой — тоже «сыном Неба». Число «братьев» Чи Ю указывается разное — 72, 80, 81; оно, по-видимому, приблизительно, так как первая и третья цифры — просто сакральные числа. В трактате «Хань Фэй-цзы», там, где Чи Ю описан сидящим на колеснице вместе с Хуан-ди, вид его ничем не примечателен. Но в других древних книгах он более чем странен. При чтении этих описаний невольно приходит на память «Борьба миров» Г. Уэллса и изображенные им боевые треножники марсиан. Похоже, что современники Чи Ю так же, как и герои Уэллса, воспринимали непонятный для них аппарат и существо, им управляющее, просто как единое целое. Все вместе ощущалось ими неким подобием гигантского насекомого. И если мы, например, назовем «гусеницей» ходовую часть многих механизмов, то китайцы тоже записывали имя Чи Ю иероглифом-пиктограммой: насекомое с трезубцем на голове... Изображение трезубца в пиктограмме тоже не случайно. Источники упоминают о том, что в критических ситуациях по бокам и сзади медной головы Чи Ю выдвигались какие-то металлические стержни, которые древние квалифицируют как «трезубцы» и «копья» и которые можно было бы отождествить с принимающими устройствами типа антенн.

Как же на самом деле выглядел Чи Ю, а точнее, его аппарат? По сообщениям древних авторов, у него было «шесть рук» — манипуляторов. У него была «медная

голова» (шлем), в котором, как и у Хуан-ди, было «четыре глаза» — иллюминатора. Лицо водителя разглядеть в эти иллюминаторы было, по-видимому, нельзя, так как он сильно возвышался над окружающими, поэтому о лицах не говорится нигде. Источники особо отмечают странное питание, требовавшееся этому созданию: по одним сведениям, оно «пожирало камни и песок», по другим — «железные камни». Отделенная впоследствии от туловища и с предосторожностями захороненная отдельно металлическая «голова» долгие годы продолжала излучать тепло. Из захоронения постоянно выбивалось облачко пара, которому поклонялись местные жители...

Аппарат обладал большой маневренностью и проходимостью. Он «мог проходить по труднодоступным местам» и даже взлетать.

И еще одно сообщение. В древнем конфуцианском каноне есть упоминание об удивительной коляске, которую видели во времена «совершенномудрых сынов Неба», то есть того же Хуан-ди. Как утверждает комментатор, она была серебряной и лакированной — ярко-красной, как глазурованная черепица, а самое главное — двигалась сама. По его описанию и при наличии некоторой фантазии нетрудно представить нечто вроде современного автомобиля, сверкающего хромированными деталями и блестящим эмалевым покрытием, хотя, конечно, такие аналогии очень рискованны. Однако фактом остается то, что о древней самодвижущейся коляске упоминается уже в канонической «Книге установлений», а ее описание дается в комментариях Мао Чана (II век до н. э.), который сведения свои черпал из древней традиции.

Обращаясь к свидетельствам о необычном, следует помнить, что подчас интересующая нас реальность скрывается не только за причудливым вымыслом древних мифов, но и рядом с ним. Действительно, фантастических рассказов о Хуан-ди и его помощниках в китайской литературе (там последние именуются вассалами) сохранилось предостаточно. Вспомним хотя бы мифы о чудесной Си Хэ — женщине — вознице Солнца, по одной версии, и матери десяти солнц — по другой, о которой писал великий поэт древности Цюй Юань (IV—III век до н. э.) и немало других авторов. Но раскрытые сохранившиеся родословные списки «Шибиэня» — их тексты и древние комментарии рисуют помощников Хуан-ди совершенно в ином свете, хотя, конечно же, комментаторы не могли не читать Цюй Юаня. Однако, при всем огромном пиетете к его гению, они

ему не верили — и следовали иной традиции, видимо, не менее для них авторитетной. И вот получается, что та же Си Хэ вела наблюдение за солнцем, «основываясь на длине его тени». Чан И (а правильнее — Чан Во) наблюдал за «луной нарождающейся и на исходе, за ее четвертями и полнолуниями». Юй Оу наблюдал за «изменениями яркости звезд и их движением и метеорами». Да Нао определял цикличность, легшую затем в основу китайского календаря. Еще один был специально занят вычислениями. Наконец, Жун Чэн, сводя все их наблюдения воедино, составлял земной календарь.

Помощники Хуан-ди начали создавать земные карты — «ту». «Рисованные образы разных предметов» — поясняет слово «ту» первый комментатор. «Имеются в виду рисованные образы земли и разных предметов [на ней], — добавляет другой. — Позволяют пришельцам с ними сверяться». Можно было бы привести другие примеры того, как фантастика в изображении «легендарной эпохи» внезапно уступает в источниках место реалистическому описанию очень энергичной и целенаправленной деятельности «сынов Неба». Создается впечатление, что Хуан-ди и его помощники — это группа со строгим разделением обязанностей и общим подчинением одному лицу, которая по деловому, не теряя зря времени, исследует и осваивает новую для нее среду обитания.

Считается, что в дальнейшем Хуан-ди возвратился обратно на свою звезду Сяньюань, однако, как это произошло, можно только догадываться. Зато в священном даосском каноне сохранились отрывочные сведения об отбытии его сподвижника, который возвращался отдельно от своей группы и, по-видимому, раньше ее. Конечно, это событие тоже преломлено сквозь призму мистического ужаса первобытного человека, потрясенного непонятным. Но если попытаться удалить из описания фантастический элемент, оно окажется очень интересным. «Фэн-цзы сжег себя в куче пламени, вместе с дымом вознесся и опустился, за одно утро долетел до зыбучих песков» (тех самых, где, как мы помним, была база пришельцев). Далее следует непонятная фраза: «Съел летающую рыбу». Если предположить ошибку переписчика, изменившего порядок слов, то возможен вариант, при котором его «поглотила летающая рыба». Вероятнее, однако, что Фэн-цзы принял некое снадобье, необходимое для полета. Однако следующее же предложение поражает своей неожиданной

значимостью: Фэн-цзы «временно умер и возродился уже через 200 лет».

Больше о нем не сказано ничего. Однако известно: срок земного пребывания группы Хуан-ди был ограничен ста годами, и после этого, по-видимому, здесь не осталось никого из сподвижников «сына Неба». Таким образом, 200 лет временной смерти — это последний известный нам этап на пути Фэн-цзы в неведомое. И здесь, естественно, возникает мысль об анабиозе, как наилучшем способе для длительных межзвездных перелетов, — ведь вряд ли даже при увеличении срока жизни разумные существа согласились бы расходовать большую его часть на заключение в металлической капсуле.

Расстояние до звездной системы Сяньюань (в европейском наименовании Пергул) хорошо известно, оно равняется приблизительно 78 световым годам. И если мы сопоставим обе цифры, то космический полет со скоростью, равной приблизительно половине скорости света, плюс необходимое время для разгона и торможения космического корабля, вполне укладываются в данный срок.

Таковы некоторые возможные истолкования фактов, о которых сообщают нам древние китайские источники. Истолкования эти не бесспорны, к тому же не следует думать, что современная наука была бы в состоянии понять и объяснить все стороны высокой цивилизации, преодолевшей межзвездное пространство. Однако основная наша задача — привлечь внимание к сообщениям древних, явно не укладывающимся в рамки наших представлений о цивилизациях той эпохи. Если это удалось, наша цель достигнута.

В заключение же хотелось бы привести слова «отца китайской историографии» Сыма Цяня, который был ближе, чем мы, к описываемым событиям на две тысячи лет. «Я бывал в местах, где почтенные старцы по отдельности и вместе постоянно рассказывали мне о Хуан-ди...» — пишет древний историк. — Хотя поверья и поучения, конечно, были различными, но вообще-то они недалеки от древних записей и близки к истине.

Я читал Чунь-цю и Гоюй, в них ярко раскрыты добродетели Пяти владык (то есть Хуан-ди и его преемников. — И. Л.) и их родословные, и пусть я еще не глубоко изучил их, но все, что в них выражено и показано, отнюдь не пустая выдумка».

Думается, что данные древнекитайских источников дают пищу для размышлений как сторонникам гипотезы о космических пришельцах, так и ее противникам.

ЦЕНТР АФРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВАРШАВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ЦЕНТР африканских исследований Варшавского университета, созданный в 1962 году, объединяет различных специалистов: экономистов, историков, социологов, этнографов, географов, языковедов. Одновременно центр привлекает африканистов, работающих в других научных учреждениях, и является местом обмена опытом, взаимных консультаций и т. п.

В области обучения главная задача центра — организация двухлетних курсов для лиц с высшим образованием, которые независимо от профессии желают приобрести или расширить запас знаний в области африканской проблематики.

Основные лекции, иногда пополняемые семинарами, охватывают историю, современные политические вопросы, экономику, географию, социологию, этнографию, языкознание и тропическую гигиену. Кроме того, слушатели изучают языки — английский, французский, арабский, хауса или суахили.

Программа предусматривает также семинары с участием лиц, которые в последнее время работали в Африке или в силу своего служебного положения изучают проблемы стран «третьего мира». Знания слушателей углубляются на факультативных занятиях, тематика которых может ежегодно меняться (например, культура и общественные проблемы Тропической Африки, история материальной культуры Северной Африки, африканская литература, финансовые во-

просы африканских стран, тропическое сельскохозяйственное сырье, интерпретация аэросъемок) — соответственно интересам отдельных лиц.

На курсы ежегодно принимаются 40 человек после вступительного конкурсного экзамена, на котором, кроме знаний об Африке проверяется также знание иностранных языков. Почти половину слушателей составляют экономисты, одну треть — инженеры и врачи, остальные — специалисты по разным дисциплинам.

После представления письменной работы, которая является условием получения диплома, большинство выпускников имеет возможность на практике использовать приобретенные знания. Больше четверти их переходят на научную работу или трудятся в системе народного образования, почти 20 процентов — во внешней торговле, остальные 20 процентов — в области документации, печати, радио и телевидения, а 20 процентов выпускников уехало после учебы в Африку.

Научные работы ведутся в четырех лабораториях: географической, занимающейся анализом социально-экономических перемен и регионального расслоения на фоне условий географической среды, проблематикой сельского населения, региональным планированием, исследованием естественных ресурсов;

экономической, разрабатывающей вопросы темпов развития, а также структурных изменений народного хозяйства стран Африки (национализация, роль государственного сектора, аграрные реформы, вопросы рабочей силы и т. д.);

социально-культурной, занимающейся вопросами обучения и гражданского воспитания, исследованием влияния традиционных культурных образцов и систем ценностей;

заселения и архитектуры, занимающейся вопросами строительства и архитектуры, историей материальной культуры.

Центр, кроме того, постоянно организует научные заседания, в которых принимают участие также сотрудники других научных учреждений Варшавы, Кракова и других городов. При этом широко используются визиты иностранных африканистов. Каждые две недели — в рамках общего африканского семинара — они выступают с докладами на разные темы. Проводятся и специализированные семинары, они создают более благоприятные условия для подготовки совместных работ. Однако научные достижения Центра опираются главным образом на индивидуальные исследования. Их результаты публикуются в «Африкана бюллетен», издаваемом два раза в год на английском и французском языках.

Так, в 1964—1972 годах историки издавали публикации главным образом по проблемам средневекового Западного Судана, опираясь на арабские

источники; довольно много места заняли также труды по вопросам экономической истории. Экономисты разрабатывали, прежде всего, вопросы, связанные с экономической политикой и планированием в масштабе всей Африки, социологи — вопросы борьбы против расизма, а также вопросы перемен и социального расслоения в Тропической Африке, этнографы представили результаты исследований в Восточной Африке, наконец, языковеды занимались суахили и амхарским языками.

Поддерживаются тесные связи с другими научными центрами в Польше (прежде всего с университетами и Академией наук), а также многими научными и государственными учреждениями.

Отдел научного обмена ведет постоянную переписку и осуществляет обмен публикациями со многими международными организациями, иностранными университетами, научными учреждениями и обществами, музеями, архивами, министерствами. В начале 1973 года были установлены контакты с 440 учреждениями, в том числе со 176 — в Африке, 50 — в СССР и социалистических странах, 145 — в Западной Европе, 58 — в Америке и 11 — в Азии.

Обработкой документации занимается лаборатория — Центр информации об Африке. Он ведет картотеку, содержащую перечень польских и иностранных научных учреждений, занимающихся проблемами Африки, составляет и постоянно уточняет список польских специалистов в Африке, реестр политических, экономических и культурных отношений Польши и Африки, библиографию польских публикаций по вопросам Африки, центральный каталог публикаций об Африке, находящихся в отдельных библиотеках в Польше (свыше 70 тысяч карточек, классифицированных тематически).

Центр информации об Африке издает на польском языке ежеквартальный «Обзор информации об Африке», который иллюстрирует деятельность Центра и содержит справки об африканских исследованиях в Польше и за границей, обзоры научных трудов, а также избранных польских книг и статей по вопросам Африки, перечень важнейших текущих иностранных публикаций, обзор событий, а также календарь будущих конференций и выставок, касающихся африканских стран. Издаются также «Региональные справочники» в виде монографий, посвященных отдельным африканским странам. Они предназначены, прежде всего, для польских специалистов, отправляющихся в эти страны. Выпускаются также «Проблемные справочники», разрабатывающие отдельные темы (например, сельское хозяйство Африки к югу от Сахары), главным образом по заказу центральных учреждений.